

Виктор Некипелов

стихи 1972 - 81 гг.

ОЖИДАНИЕ

Еще нету весны — только сок
Сладким током — березе в висок.

Еще нету весны, только снь,
Только пар от пригретых осин,
Да по небу неясная рябь —
Дозволением ястребу: грабь
Еще нету весны, только гарь,
Да раздохлый ветер-вогарь,

Да ольхи золотая пыльца, ...
Проперчившая горло певца...

ТИШИНА

День разбит на шаги.
Тридцать тысяч шагов
От стены до стены...

Тишина.

Как сошедший с ума звездочет —
Я веду этот странный — кому же зачтется он? — счет...

Тишина.

Говори мне Конфуций
/А может, то был Эпикур?/
За бокалом вина,
Развались на циновке:
— Что-то, парень, ты хмур.
Не печалься!
Не надо бояться веков
И оков.
Старина!
Бойся только богов.
И-долгов!
Ха-ха-ха!

— Тишина — это мудрость, — изрек он с бокалом вторым,
Все иное — пустяк.
Суета, наваждение, дым...

О, лукавый старик!

Я презрел твой недобрый совет.

Чепуха!

Ты философ, я только поэт.

Не бессмертья, а жизни ищю.

Не хочу

В разгребателях книг...

— За вино я плачу, — он промолвил с ухмылкой и сник.

Растворился, исчез...

Тишина.

Ля бемоль...

А еще ты сказал, что она — как лебяжье крыло.

Как... смакуя губами сравненье, добавил: барсучья нежней-
шая кисть!...

Ерунда!

Тишина — это боль.

Это бьющая в трюмы вода...

Это лампочки белый накал...

И зубное сверло...

Это крик изнутри, из зеркал,

Это черепа шопот — в висках:

"Отрекись! Отрекись!"

Ах, какая гроза — среди ночи — рыданием в сны!

Вот... я знаю теперь,

Как понять выраженье

"аккорд тишины",

Это — черный шпигрутен.

Обрыв сумасшедшей струны.

Это ветка ночная, хлестнувшая в кровь по лицу...

Н е х о ч у т и ш и н ы !

Никогда! Никому.

Ни врагу. Ни глушцу.

Не хочу. Ее даже тому —

Подлецу.

Тишина какая — давит перепонки.
Только волны мерно плещут в переборки.
Ночь качает наши спаренные койки —
Здесь их называют странным словом "шпонки".

"Шпонки" — вроде "джонки", "шпонки" — вроде "шлюпки",
Перед мглой и Богом — хрупкие скорлупки.

Но железным клином, бронебойным цугом.
Мы выходим в море, скованы друг с другом.
Этим и прекрасны, этим и едины,
Не страшны нам мели, не страшны нам льдины.
Лица наших кормчих четки, как медали.
Пусть гремят фанфары — мы штурмуем дали.
Верны капитану, что ведет нас к раю.
Ни забот, ни горя... — Баю, дочка, баю!

Ночь плывет над миром, ночь плывет над морем,
Над слезой и счастьем, над мечтой и горем.
Над кудрявым летом и хромой зимой,
Над твоей кроваткой и моей судьбой.
Гдеж ты в этом мраке, баушки-баю,
Робко-робко правнись лодочку свою?

А-вокруг шныряют, до поживы падки,
Ладно бы акулы, ладно бы касатки —
Лоцманы, да боцманы, разные мессии,
Много их, горластых, бродит по России.

Не поддайся, дочка, ни за что на свете!
Не устань, не обейся, оборви их сети.
Не бойся мрака, не бойся града,
Обмани дороги, по которым — стадо...
Через все преграды, через все невзгоды
Проведи бесстрашно лодочку свободы.

Ночь плывет над миром, ночь плывет над морем,
Над слезой и счастьем, над мечтой и горем.
Ночь нету слабых, ночь нету сильных,
Ночь не различает: красных, белых, синих...

Тишина какая! Ни конца, ни края.
Мир тебе дорогой! Баю, дочка, баю!

АУ!

Уже ноябрь — я все живу в июле.
Вот только-только липа отцвела...
Ты помнишь, как испуганно сверкнули
И круто повернулись зеркала?

И как ко мне, ударившись о грани,
Рванулась ты, спасая и храня?...
С тех пор брожу, незримый, рядом с вами,
А вы зачем-то ищете меня.

Звенят щеглы, в чаще стонут совы,
Кузнечики стрекочут на лугу...

—Ау, ау! Я слышу ваши зовы
И вижу вас, лишь крикнуть не могу.

Мне зримо все: и то как вы гонялись
Весь день за каждым шорохом лесным,
И как, устав искать меня обнялись...
Со мной бы так, как вы обнялись с ним!

Я не сержусь. Я вне привычных мерок.
Вне ваших споров о добре и зле.
Я в той стране, где все часн без стрелок,
Предметы все — без тени на земле.

Я знаю сам: отчаянье обижает
Порой сильнее, чем сердечный жар.
Пусть только он тебя не обижает,
Как я тебя, бывало, обижал.

Метет ноябрь — я все живу в июле.
Зачем он вам, полночный шопот мой?
—Ау, ау! Но вы давно заснули.
Вам не слышать метели надо мной.

ПЯТЬ МИНУТ ДО РАССВЕТА

Я звоню — понимая, что это в разлуку.
Тяжелый сон. Но не вскрикнуть, не схватить твою руку.

Снег пылит под ногами, как черная пудра.
Надо вновь пережить то последнее утро.

И упасть. И промчаться к смертельному склону.
Только что и дано — подбежать к телефону.

"Два-двенадцать...и двадцать. Но он словно помер.
Набираю всю ночь недавний номер.

Надо что-то сказать. Только все слишком длинно.
Сколько ждали с тобой, а пришло — как лавина,

Вот и вся наша жизнь — в никуда, вверх ногами.
Грибовидное облако встало над нами.

Шаг один, и исчезнут в разверзшейся бездне
Наши книги и планы. Прогулки и песни.

Ноты наших детей. И стихи Гумилева.
Наши были и боли. Улыбки. Ладони.

Наши тайные думы — уйти от погони.
Дом в Нактере, с окошками, полными света...

Гонг хрипит, как судьба! Разбивнется пьеса,
Как стеклянная сказка Булонского леса.

"Два-двенадцать...и двадцать... Но нету ответа.
— Я люблю тебя! Слышишь? Я с вами, я с вами!

Черный снег. Телефон. Пять минут до рассвета.
Пять минут до ... Стучат сапогами.

КАМЕНЬ

Великий камень, грозный Лабрадор!
Как тяжелы невежества вериги,
Как много лет несли мне разный вздор
Хвастливые, безмускульные книги.

Ах, я, глупец, стучался вглубь веков!
На вечный мрамор капал кислотою,
И бег горячих нервных пузырьков
Все называл природой неживой!

Как поздно я порвал порочный круг,
Мертвящие невольничьи каноны...
АЛХИМИЯ — царща всех наук.
Блажен, узревший блеск ее короны.

И я наскреб известки с потолка
И в полночь истолок ее в мучицу.
Я первым делом — создал паука,
И голубя впустил в свою темницу.

И камера угрюмая моя
С тех пор волшебной стала мастерской.
В ней жило много доброго зверья,
Чьи души я согрел своей тоской.

Хоть долго должен был еще блуждать,
Пока добрел в потемках до вершини,
Пока решился женщину создать —
Из грез ночных и лунной паутины.

Теперь я счастлив: полон мой ковчег.
Ждет рулевой торжественной минуты.
Прижмись ко мне. Нас кличет теплый брег.
Прощай, земля! Прощайте, лилипуты!

.....
А Лабрадор смеется надо мной —
Есть договор, который не нарушу,
И ждет порн, чтоб в хаос ледяной
Швырнуть мою загубленную душу.

Чуфут-кале

Унылый край. Холодные руины
За мертвой аркой крепостных ворот.
Чуфут-кале... Здесь жили карамы —
Еще один исчезнувший народ.

Со всех сторон их медленно сжимали
То ханский кнут, а то российский штык.
Добро бы землю — веру отнимали,
Добро бы золото — песни и язык.

Казнить богов — не допустила вера,
Зачать героев — не хватило сил.
Их виноград добил филоксера,
И мул чумной колодцы отравил.

Лишь до сих пор — не стерты веками,
Запечатлев движение колес, —
Две колес разъезженных на камне...
/А может быть — два желоба для слез?/

Лиловым мраком набухают горы,
Но до темна — последний караим —
Я все ищу ответа и опоры
В бездонной безответности руин.

Я не о том, что так легко сломались,
И не о том, что без борьбы ушли.
Все думаю: за что они держались?
Как эту землю бросить не могли?

Как жить в таком забытом Богом месте?
Хоть на сто верст гони вокруг коней —
Ни василька, чтоб подарить невесте,
Ни ветки, чтоб повеситься на ней!

Но видно есть неведомые силы,
Связующие мертвых и живых,
Ведь чем трудней

капать в земле могилы,
Тем тягостней —
однажды кинуть их...

БЕЛЫЙ ГОСТЬ

Мог бы жить да жить под сенью мирных крыл,
Беседуя с цветами и стихами...
Зачем однажды дверь ему открыл —
Тому пришельцу с белыми щеками?

Он ватник снял. И в кресло сел мое!...
Озявшие — к огню придвинул руки.
Вошла жена, а он... обнял ее,
Как после долгой горестной разлуки!

Проклятый гость с отравой в костях,
С пергаментными белыми щеками!
Теперь на все смотреть его глазами,
Расспрашивать о скорбных новостях.

Ты говоришь: взгляни, какой цветник!
А я молчу. А я и правда болен.
Склонюсь к цветам и — отшатнусь от них,
Вдруг ощутив все тот же запах шин боен...

Вином плесну — лишь горечь на губах.
Уж не томят ни женщины, ни книги.
И день, и ночь — в истерзанных ушах
Толпятся чьи-то маленькие крики.

Все нажитое верой и трудом,
Качнулось вдруг
и обвалилось сразу.
Но надо жить. И в чей-то новый дом
Нести свою причастность —
как заразу.

ЗАХОЛУСТНЫЕ СТИХИ

Нине

Мы живем с тобой в захолустье,
Нам в холустье жить теперь нельзя!
Но не станем предаваться грусти,

Лучше в захоусты, чем в холуисте,
Разве это — худшая стезя?

"За-хоусты" — вроде "за-зеркалья",
То есть где-то между "да" и "не",
Разом вместе в яви и во сне,
Разве мы с тобой не мечтали...
/зря ли столько книжек пролистали/
О такой единственной стране?
Где бы нас с тобой не разыскали,
Главное, чтоб нас не обласкали,
Жить, себя не чувствуя зверьками
/если даже вдруг и обыскали/
В гордой пустоте и тишине.

В захоусты медленные лица,
Медленные птицы и дома.
Если устоять, не удавиться,
Не запить, не выжить из ума —
Можно вдруг однажды убедиться,
Выглянуть в окно и удивиться,
Можно убежать и возвратиться,
Можно умереть и воплотиться
В медленные-медленные лица,
Сосны, палисады и дома.

ВЬЮГА

Опять этот сон, безнадежный и нежный!..
Все небо в холодных, зыбучих огнях,
По дикой равнине, пустынной и снежной,
Мы мчимся на черных, безумных санях.

Мы вместе, мы рядом, запахнута полость,
Обнимемся крепче, прижмемся тесней,
Но все беспощадней, все яростней скорость,
И нам не назначено справиться с ней.

Еще один круг, и шальная, как вьюга,
Жестокая сила, слепа и горда, —
Безжалостно нас оторвет друг от друга
И с хохотом диким швырнет в никуда.

Но даже оттуда, сквозь темень и муку,
Уставшая верить, уставшая ждать —
Люби мою прошлую, слабую руку,
Которой не смог ничего удержать.

СТЕНА

Это чувство стены — словно чувство вины,
Не укрыться ни в сон, ни в толпу.
На подушечках пальцев — шершавость стены
И мозоль кровавая на лбу.

Будни каменных дней, заколдованный круг,
Где страшней оттого, что скучней.
Только чу! Замогильный, изломанный звук —
Сквозь замшелую толщу камней.

И я вдруг понимаю, о гордый глупец!
Что — забытый с другой стороны —
Так же бьется какой-то печальный слепец
В равнодушное тело Стены.

Отдается в висках его каменный стон,
День и ночь, кулаки кровеня,
В каждом дереве — он, в каждом зеркале — он,
Безнадежно стучится в меня.

МОЛИТВА ЦВЕТОВ

Коса прошла
по пойме луговой,
Коса прошла,
пока мы мирно спали.
Коса прошла лавиной роковой,
И головы горячие упали.

Видно тот, кто глядит из глубин мироздания,
Тот, кто рядом всегда, и всегда — далеко —
Пожелал, чтоб я взял свою долю страдания
Из безмерной и благостной ноши Его.

Ветер бросил гудок, как прощальную жалобу,
Черномазый буксир запыхтел-застучал.
Отъезжающих просят подняться на палубу,
Провожающих просят покинуть причал.

Все какие-то юноши с пыльными ранцами, ...
И оркестрик на пристани, как в старину...
Пароход до отказа забит новобранцами.
Я один добровольцем на эту войну.

Дорогая, прости за тоску и метания.
Не кляни. Не грусти. Не остынь. Не устань.
И зачем же "прощай"?

Я кричу — до свидания!
Пароход отплывает в страну Арестань.

ЦЫГАНСКИЙ ПАГАНИНИ

Не видел древний Ужгород
Такого никогда!
По улицам, по узким —
Скрипки в три ряда.

Что за происшествие?
Скоморохи, цирк?
Свадебное шествие?
— Тише, скрипки!

—Цыц!

Мальчишки разбегаются,
Зеваки чешут лоб.
Словно черный айсберг,
За скрипками —

гроб!

Буковая крышка

С лентой кумача.

-Кого хоронят?

-Мишку,

Мишку, скрипача.

-Ах, скрипки, скрипки, где вы?

Заполняйте ряд...

Ах, плачьте, плачте, стервы!

А скрипки - не хотят!

У скрипок, как у чарок,

Изящные бока.

И скрипки лунят чардаш,

Лунят гопака.

Скрипач из "Верховины",

Легкий человек,

Цыганский Паганини -

Отплясал свой век!

На бархатной подушке

Выглядят добрей

Угольные стружки

Мишкиных кудрей.

Не мучает одышка,

На сердце легко.

Уходит нынче Мишка

Куда-то высо-ко-о!

В ласковую, дальнюю,

Что слылась с детских лет, -

Плывет в свою Цыганию...

В страну, которой нет...

И сердце светом полнится,

Все беды - позади,

И - верная любовница -

Скрипка на груди!

А сзади --пол-Радванки...
Как стайка-поросят,
Усатые цыганки
Над Мишкой голоса.

- Ах, чаво, чоро, чаво!
- Ах, чоро, чоро, ром!
- Ах, голова курчава,
Земля тебе ковром!

- Ах, мало Мишка пожи,
Повеселили сердца,
- Ах, мало Мишка попи
Карпатского винца!

А сзади, замыкая
Пестрый тот отряд,
Пятками сверкает
Ватага цыганят.

В запятах-позументах,
В сиянии соплей...
Ах, скрипки-инструменты,
Ударьте веселей!

И слава кружит Мишку,
И-скрипки рвут галоп.
Как-будто дернул лишку,
Приплясывают гроб.

Он весь как легкий плотник,
Что отдан воле волн...

1964.

Верховина - ресторан в Ужгороде,
Радванка, - цыганский район.